ПОЛЕССКАЯ КАРТОТЕКА

ЗНАЮЩАЯ

Дело № 4

Никита Соколов
Знающая

https://litres.ru/74720694
SelfPub; 2026

Аннотация

В глухой деревне Чернички умирает старая знахарка Устинья. Врачи ставят диагноз «остановка сердца», но на ее губах застыл немой вопрос, а под языком спрятан клочок бумаги из нотариального реестра.

Архивист Никита Соколов приезжает в Чернички, чтобы разобраться в ее смерти. Он еще не знает, что Устинья была Знающей - хранительницей древних правил, и что она оставила после себя не только дом, но и тайный реестр Должников. В этом реестре записаны все незаконные сделки конторы Ровного и, что самое страшное, - его собственная подпись, поставленная двадцать четыре года назад.

Чтобы добраться до правды, Никите придется заплатить самую высокую цену. В этой книге Навь забирает не имя и не вещи. Она забирает память.

Чем ближе он подходит к разгадке, тем меньше помнит, зачем начал это дело.

Четвертая книга цикла «Полесская картотека».

Никита Соколов
Знающая

Автобус из Пинска высадил Никиту у развилки за два километра от Черничек и ушёл обратно, не заезжая в деревню. Остальную дорогу он прошёл пешком. Колея была залита водой, по обочинам стояли ольхи с обрубленными нижними ветками, над мелиоративным каналом держался туман. Было около трёх часов, начало ноября. До темноты оставалось не больше двух часов.

В Черничках числилось двадцать два двора, дым шёл из шести труб. Двор Устиньи он нашёл без расспросов: у калитки стояли двое. Мужчина в расстёгнутой милицейской куртке курил. Женщина в тёмном платке и мужском ватнике держала эмалированную кружку, накрытую блюдцем.

— Соколов? — спросил мужчина, не вынимая сигареты изо рта. — Жук, участковый. Мне звонили, что приедет человек по бумагам.

— Архивист, — сказал Никита. — Покойная значится в нескольких фондах. Надо проверить, нет ли документов, подлежащих сдаче.

— Нет там документов. — Жук бросил окурок в лужу. — Хоронят завтра в одиннадцать. Тело в фельдшерском пункте. Остановка сердца, справка выписана. Дело открывать не на что.

Он достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист и протянул Никите. Это была копия справки о смерти на бланке районной больницы. Никита прочёл её стоя. Лукашик Устинья Захаровна, год рождения 1938. Причина: острая сердечная недостаточность. Дата: ночь с 1 на 2 ноября. Час не указан. Подпись фельдшера, круглая печать, расплывшаяся с одного края.

— Час не указан, — сказал Никита.

— Лидия Павловна приехала утром. Живая или нет, видно сразу, а час ночью никто не определял. Кузьминична скажет, когда у неё свет погас.

— Я посмотрю дом.

— Смотри. Только это не место происшествия.

— Тогда я ничего не испорчу, — сказал Никита.

Жук не ответил. Женщина перехватила кружку в другую руку. Жук назвал её Кузьминичной, фамилию не добавил. Ей было лет семьдесят пять, лицо красное от ветра, руки тёмные, с жёлтыми ногтями. Она посмотрела на Никитины ботинки, потом на портфель, потом на лицо. На дом она не посмотрела ни разу.

Дом стоял в глубине двора: сруб в обло, шиферная крыша, три окна на улицу с облупленными синими наличниками. Справа от крыльца лежала поленница, накрытая рубероидом, слева стоял колодец с журавлём. Собачья будка была пустая, цепь снята и убрана на её крышу. Дверь в сени была открыта настежь.

Прежде чем подняться на крыльцо, Никита обошёл дом снаружи. Земля была мокрая, трава прибита дождём, и следов на ней не было, кроме собственных. Окна с левой стороны и с торца были закрыты, на подоконниках стояли герани в консервных банках. Он наклонился к стеклу: шпингалеты в рамах стояли в пазах, краска на них была цела. Задняя дверь, ведущая в огород, была забита снаружи двумя досками крест-накрест. Гвозди почернели, шляпки ушли в дерево. Эти доски прибили давно, и никто их не трогал. Значит, войти в дом можно было только через сени.

Он вернулся к крыльцу, поднялся на две ступени и остановился перед порогом.

Порог был дубовый, стёртый посередине до светлой полосы. Никита поднял правую ногу и поставил подошву на доску. Вес на ногу не перешёл. Сопротивления не было, не было и толчка: тело не шло вперёд, хотя ничто его не держало. Он попробовал ещё раз, медленнее. Результат не изменился.

Он знал это ощущение. В Бресте, на лестничной площадке, он вставил ключ в замок своей двери. Замок повернулся, дверь открылась, а переступить порог он не смог. Тогда он простоял двадцать минут, потом спустился вниз и больше не пробовал. Это случилось после дела на Заречной. Теперь то же самое было на чужом пороге, в деревне, где он раньше не бывал.

Он убрал ногу и встал на крыльцо обеими ногами. Рука в кармане плаща нашла карточку и придержала её большим

пальцем. «Дело № 4». Другой записи на карточке пока не было.

— Что, не заходится? — спросила Кузьминична. Она смотрела на кружку.

— Мне и отсюда видно, — сказал Никита.

Из сеней дверь в горницу была распахнута. С крыльца он видел часть комнаты: угол печи, стол, лавку под окном. Над комодом висело зеркало, закрытое простынёй. Второе, маленькое, у окна, было накрыто чёрным платком. Пахло холодной золой, сухой мятой и зверобоем: пучки трав висели под потолком горницы. Лекарством не пахло. Не пахло и тем, чем пахнет в доме, где мёртвый пролежал несколько часов в тепле, хотя печь у Устиньи в последний день не топили.

— Кто завешивал зеркала?

— Я, — сказала Кузьминична. — Как нашла, так и завесила. По обычаю.

— Когда нашли?

— В понедельник утром. Я за молоком пошла, у неё козы. Дверь приоткрыта, крючок откинут, а печь не дымит. Она с пяти топила, сколько я себя помню.

— Козы где?

— У меня. Не доить же их некому.

— В воскресенье вечером вы что-нибудь видели?

— Видела. — Кузьминична впервые посмотрела на него прямо. — Часов в восемь. Я бельё с верёвки снимала, забор у нас общий с её огородом. Она сама отворила дверь. Подо-

шла, откинула крючок, отворила и пустила. Потом в горнице свет зажгла.

— Кого пустила?

— Не видела. Темно было. Стоял кто-то за косяком. Она сказала что-то, негромко. Я не расслышала.

— Сколько человек?

— Одного видела.

— Когда у неё погас свет?

— Не знаю. Я в десять легла, он ещё горел.

— Вот и всё, — сказал Жук. — Гость был. К ней всегда ходили, посидеть, поговорить. Ночью остановилось сердце, человек ушёл или не дождался, а утром её нашли. Женщине было восемьдесят восемь лет. Искать тут нечего.

Никита не ответил. Он посмотрел на печь, видную из сеней только боком, и спросил:

— Печь холодная?

— С воскресенья не топлена, — сказала Кузьминична. — Я в понедельник проверяла и вчера.

— Проверьте сейчас.

Она поставила кружку на ступеньку и вошла в сени. Пошла вдоль левой стены, прижимаясь плечом к брёвнам, потом шагнула в горницу. Через минуту вернулась и вытерла ладонь о ватник.

— Как камень.

— Почему вы идёте вдоль стены?

— Зола.

— Устинья золу сыпала, — сказал Жук. — Каждый вечер, тонко, на весь пол в сенях. Чтоб знать, кто входил. Утром сметала. Дурь, но дело её. У стены не сыплет: там доска узкая, ходить можно. Мы с Лидией Павловной тоже по стене ходили. Ничего не затоптали.

— В понедельник утром золу сметали?

— Некому было, — сказала Кузьминична.

— После?

— Я не трогаю. Она не велела.

На столе в горнице лежала школьная тетрадь в клетку, раскрытая на чистой странице. Рядом стояла стеклянная чернильница, на дне засохли чернила. Ручки или пера на столе не было.

— Тетрадь трогали?

— Нет, — сказал Жук.

— Чернильница?

— Старая. У неё всегда стояла.

Никита опустился на корточки перед порогом. Свет из окна горницы падал в сени косо, через открытую дверь. Зола лежала ровным серым слоем от порога до двери в горницу, шесть шагов. Вдоль левой стены золы не было, там на досках виднелись пыльные отпечатки: галоши, женский сапог, берцы. Посередине шёл другой след. Узкие вмятины от вязаных носков, от двери горницы к крючку на входной двери и назад: Устинья дошла до порога и вернулась. Поверх них стояли следы ботинок.

Мужской ботинок, размер сорок третий или сорок четвёртый. Подошва гладкая, кожаная, каблук узкий, рант прошит. Такую обувь носят в конторах и на приёмах. В деревне, в ноябрьскую грязь, её не носят. Шесть отпечатков шли от порога к двери в горницу, правый чуть глубже левого. На шестом, у самого косяка, зола была продавлена до досок. Дальше, в горнице, золы не было.

Он выпрямился и прошёл взглядом обратно, от косяка к порогу. Между дверью горницы и порогом зола лежала ровно, без единой вмятины. Обратного следа не было.

— Нашёл? — спросил Жук. Он стоял ниже на крыльце и смотрел Никите в спину.

— Мужской ботинок, сорок третий или сорок четвёртый. Идёт от порога к горнице. Обратных следов нет.

— Значит, вышел по стене, как мы.

— На стене три вида следов: галоши, женский сапог, берцы. Ботинка там нет.

Жук помолчал, потом сказал, что золу могли смести ногой, мало ли. Но золу не мели, это уже было сказано, и он это знал. Он посмотрел на часы.

— Мне в пункт, там Лидия Павловна, надо по похоронам. Дверь не запирай, ключей нет.

Он ушёл, не прощаясь. Кузьминична взяла кружку со ступеньки, дошла до калитки и обернулась.

— Монету не жалей, — сказала она и пошла к своему двору, где в сарае блеяли козы.

Никита остался один. Туман поднялся от канала и стоял между домами. Он снова встал перед порогом.

Правило он знал и без Кузьминичной. Порог принадлежит тому, кто его положил. Когда хозяин умирает, порог остаётся за Навью, пока не придёт новый хозяин или пока за вход не заплатят. Платят мелочью, названием дела и своим именем. Он делал это и раньше, у калиток и у дверей нежилых домов. Обычно это стоило копейку и несколько минут.

Он достал из кармана пятикопеечную монету и положил на светлую полосу порога цифрой вверх.

— Никита Соколов. Иду в дом Устиньи Захаровны по делу, не за вещью. Плачу за вход.

Он подождал и поставил ногу на доску. Вес не перешёл. Монета лежала на месте. Никита убрал ногу и стоял, глядя на неё. Он должен был сообразить раньше: Навь не берёт мелочь у человека, который ей должен. У него в кармане лежала карточка с номером четыре, и этот порог знал о карточке больше, чем он сам.

— Возьми, что нужно, — сказал он.

Сначала сжало уши, как при быстром спуске с высоты. Давление перешло за глаза, потом к затылку. Никита взялся рукой за косяк. Позади глаз что-то натянулось и оборвалось. Боли не было. Было ощущение, что из головы вытянули тонкий жёсткий корень, и место, где он был, осталось: пустое, открытое, и в него теперь попадал воздух. Он согнулся, упёр свободную ладонь в колено. Во рту стоял вкус железа. Это

длилось секунд десять.

Когда он выпрямился, правая нога стояла на пороге, и вес был на ней. Он не помнил, как это произошло. Монета лежала рядом, и он не стал её поднимать. Он перешагнул порог, встал в сенях у левой стены и достал блокнот.

Сначала проверил. Мать, светлое пальто, которое она носила на рынок. Руки, тонкие, с узкими кольцами. Голос, которым она звала его из кухни. Запах крема для рук. Всё это было на месте, ясное и подробное. Лица не было. Не размытого, не затёртого: место, где оно находилось, оставалось пустым, и пустоту нельзя было ни заполнить, ни обойти. Он знал, что у матери было лицо, как знают, что в комнате стоял шкаф, который потом вынесли.

Он записал: «4.11. Чернички, дом Устиньи Лукашик. Плата за вход: лицо матери. Остальное сохранено: пальто, руки, голос, запах. Монета не принята». Подчеркнул последнее слово. Фотография матери лежала в Бресте, в квартире, в которую он не мог войти. Он закрыл блокнот.

Потом он положил на пол рядом с первым следом спичечный коробок для масштаба и сфотографировал отпечатки на телефон: первый, третий, шестой. Золы не коснулся.

На крыльце послышались шаги. Человек остановился перед порогом, но не так, как останавливался Никита. Он просто вытер сапоги о доску и вошёл. Девушка лет девятнадцати, в стёганой куртке и резиновых сапогах, с пакетом хлеба и пластиковой бутылкой. Русые волосы стянуты резинкой,

лицо опухшее от слёз и недосыпа. Она пошла вдоль левой стены, не глядя под ноги, и ни разу не ступила на золу.

— Вы из архива, — сказала она. — Жук говорил. Я Стася.

— Никита Соколов. Соболезную.

— Спасибо. — Она поставила хлеб на лавку у стены. — Бумаг тут нет. Паспорт, пенсионная книжка, календарь. Жук всё забрал в сельсовет.

— Меня интересуют не эти бумаги. Ваша бабка в последний месяц кому-нибудь что-нибудь отдавала?

Стася посмотрела на него.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю. Спрашиваю.

— Отдавала. — Она села на лавку, сложила руки на коленях. — С двадцать пятого октября ходила по деревне каждый день часа по два. Вернула Кузьминичной соль, пачку «Экстра», которую брала в девяносто четвёртом. Пачка была целая, в бумаге. Вернула катушку чёрных ниток Зинаиде Макаровне. Топор Семёну с Нижней улицы. Чужую иконку с оборванным углом. Ключ от чьего-то погреба, я не знаю, от чьего. Каждое возвращение записывала в тетрадь и вычёркивала. Потом вырвала листы и сожгла в печи.

Никита перевёл взгляд на стол. У корешка школьной тетради остались узкие полоски вырванной бумаги.

— Зачем она это делала? — спросила Стася. — Я её спрашивала. Она сказала: «Чтобы чисто было». Больше ничего. Она никогда ничего не брала без записи, а тут отдала всё

сразу, даже то, что тридцать лет никому не было нужно.

— Закрывала долги.

— Какие долги? Она никому не была должна.

— Не знаю, — сказал Никита.

Это была правда только наполовину. Устинья Лукашик вернула всё, что оставалось за ней, за неделю до смерти. Человек, который так делает, ждёт, что придут не с её стороны. Он записал это в блокнот одной строкой.

— Она хранила что-нибудь, что нельзя было показывать? Книгу, большую тетрадь, список.

— Молитвослов. Календарь. Больше книг нет.

— Размером с амбарную книгу, чёрную, в коленкоре?

— Нет. Я бы знала. Я здесь с шести лет.

Он всё равно искал. Начал с печи: подпечек, ухват, чугунок, сухая зола в поддоне. Простучал заслонку и стенку за ней. Стася открыла люк в углу горницы, и он спустился в подпол с фонарём телефона: картофель в ящиках, свёкла, банки на досках, глиняный пол, на котором не было ни одного нового следа. Сундук с бельём и узел со смертным, сложенный давно. Красный угол с иконами, где он не стал ничего снимать, только посветил за рамы. Подоконники, потолочная матица, половицы под столом. Пыль лежала ровным слоем всюду, кроме тех мест, которые Устинья трогала каждый день: стола, лавки, дверных ручек. Тайника не было, или он был в таком месте, о котором знала только она.

— Здесь не было ничего, что нужно было прятать? —

спросил он ещё раз.

— Только то, что она сама прятала, — сказала Стася. — Я не знаю.

Он вернулся к двери между сенями и горницей. На правом косяке, на уровне пояса, были зарубки. Он присел и пересчитал, водя пальцем: одна, две, три. Тринадцать зарубок потемнели и стёрлись, края сгладились ладонью. Четырнадцатая была светлая, с мелкой белой щепой в нижнем углу, и пахла свежим деревом. Её резали узким острым ножом, сверху вниз, стоя, правой рукой.

— Это что? — спросил он.

— Всегда были, — сказала Стася. — Я не считала.

— Новую давно сделали?

— Не знаю. Я бы заметила, если бы раньше видела.

Он выпрямился и шагнул к входной двери, чтобы прикрыть её от сквозняка. Ладонь легла на ручку и наткнулась на что-то шероховатое. С внутренней стороны, в железную петлю ручки, был вдавлен кусок красного сургуча размером с ноготь большого пальца. Оттиск уцелел. Круг, разделённый горизонтальной чертой пополам. В верхней половине мелкими буквами: «Нот. Ровный». Нижняя половина пустая.

Он видел этот знак на бумагах по Заречной. Сургуч не потрескался и ещё пах горелым воском. Такой оттиск ставят на то, что принято и закрыто. Нижняя половина оставляется для подписи второй стороны. Подписи не было.

Он стоял с рукой на ручке и смотрел на пустую половину

круга. Реестра в доме не было. Должники были здесь раньше него и знали, что именно искать.

Фельдшерский пункт стоял в конце улицы, за бывшим магазином. Одноэтажное кирпичное здание, шифер, крыльцо с железными перилами. На двери висела выцветшая табличка «ФАП», под ней листок с расписанием приёма. Последняя запись была сделана в пятницу. В окне горел свет.

Никита вошёл без стука. В коридоре пахло хлоркой и сыростью, линолеум у порога был недавно вымыт и ещё не высох. Справа была приоткрыта дверь кабинета. За столом сидела женщина лет пятидесяти пяти в белом халате поверх серого свитера, очки висели у неё на цепочке. Руки красные, кожа растрескалась около ногтей. На стуле у окна сидел Жук, куртка расстёгнута, шапка лежала на колене.

— Лидия Павловна, — сказал Жук, не вставая. — Это Соколов, из района. По бумагам.

— Из архива, — сказал Никита. — Мне нужно сверить документы покойной. Паспорт, пенсионное удостоверение, справка. Для учёта в фонде.

— Паспорт и пенсионная книжка у меня в сельсовете, — сказал Жук. — Я же говорил.

— Справка здесь?

— Здесь, — сказала Лидия Павловна. Она выдвинула ящик стола и достала папку-скоросшиватель. Движения были точные и быстрые, как у человека, который не хочет задерживаться на одном месте. — Оригинал. Копию вам Жук

уже показывал.

Никита взял справку. Бланк, подпись, круглая печать, расплывшаяся с края. Те же слова, что в копии: острая сердечная недостаточность, дата ночь с 1 на 2 ноября, час не указан. Под текстом стояла приписка мелким почерком: «Внешних повреждений не обнаружено».

— Кто видел тело первым? — спросил он.

— Кузьминична. Потом я.

— Где лежала?

— На лавке в горнице. На спине. Руки сложены на груди. Одета. — Лидия Павловна взяла со стола ручку и повертела в пальцах. — Я ничего не меняла. Только привезла сюда и обмыла, как положено.

— Руки были сложены, когда вы пришли?

— Да.

— Кузьминична говорит, что не трогала.

— Значит, так и было.

Никита отметил это в блокноте: «Руки на груди. Лидия Павловна: так и застала. Кузьминична: не трогала». Старухи редко ложатся на спину и складывают руки сами. Бывает, что делают это заранее, готовясь к смерти. Но Устинья Лукашик в тот вечер принимала гостя и зажигала свет в горнице.

— Я хочу осмотреть тело, — сказал он.

— Зачем? — спросила Лидия Павловна быстрее, чем следовало.

— Чтобы указать в акте приёма документов, что личность

установлена и сверена. Формальность.

— Личность установлена, — сказал Жук. — Вся деревня её знала.

— Тогда это займёт две минуты.

Жук посмотрел на Лидию Павловну. Она положила ручку на стол и встала.

Подсобка находилась в конце коридора: бывшая кладовая, шесть квадратных метров, побелённые стены, одно окно на улицу, раскрытое на ширину ладони. Батарея была закрыта чугунным вентилем, который кто-то перекрыл рукой, и на трубе остался след от пальцев. В комнате было холодно, градусов шесть-семь. На узкой кушетке, застеленной клеёнкой, лежало тело под простынёй до подбородка. У стены стояла табуретка, на ней пластиковый таз, рядом белый пакет, завязанный узлом.

Лидия Павловна остановилась в дверях. Жук прислонился к косяку позади неё и не вошёл.

— Подойдите, — сказал Никита, — и откройте до пояса.

Она сняла простыню с груди и сложила её вдвое на животе покойной. Делала это, глядя на края ткани. Никита подошёл с другой стороны и увидел то, что осталось от Устиньи Лукашик.

Маленькая, сухая, ростом не больше метра пятидесяти. Серые волосы, заплетённые в тонкую косу и убранные под лёгкий платок. На ней была тёмная кофта на пуговицах и юбка. Лицо жёлтое, с резко вырезанными скулами, глаза закры-

ты и прижаты, рот сомкнут. Никита некоторое время смотрел на это лицо. Он заметил, что сделал это дольше и внимательнее, чем сделал бы раньше. Теперь он запоминал лица, а не только узнавал. Он знал почему и не стал об этом думать.

Потом он посмотрел на Лидию Павловну. Она стояла с той стороны кушетки, где была голова, и смотрела на кофту, на пуговицы, на сложенную простыню. Она проверила карман на кофте, поправила ткань у плеча. Пока он осматривал тело, она смотрела на руки, на ступни, на таз, на стену над кушеткой. На лицо она не взглянула ни разу.

— Руки, — сказал он.

Лидия Павловна отодвинула край простыни. Кисти лежали на животе, переплетённые пальцами. Левая рука была чистая, с короткими ногтями, кожа на ней потемнела и покрылась пятнами. Правая выглядела иначе. Большой, указательный и средний пальцы были выпачканы чернилами до второй фаланги. Цвет тёмно-синий, с фиолетовым оттенком. Чернила ещё держались на коже. Остальные два пальца, ладонь и тыльная сторона остались чистыми.

Он достал из кармана перчатки, надел их и осторожно повернул кисть к свету. Ногти на всех трёх запачканных пальцах были чистыми. Ни пятна, ни разводов, ни тёмной полоски под краем. Кожа на подушечках была окрашена плотно, а валики вокруг ногтей остались светлыми. Так бывает, когда человек долго держит перо и нажимает на него подушечками, но не опускает пальцы в чернила.

— Вы мыли руки? — спросил он.

— Левую вымыла. Правую не стала, — сказала Лидия Павловна. — Не отмывается. Я пробовала спиртом, не отошло. Оставила.

— Когда пробовали?

— Когда обмывала.

— На кофте чернил нет?

— Нет.

Он осмотрел ткань на груди, на рукавах, на подоле. Чернил не было. На лавке, где её нашли, их тоже не могло быть, если Лидия Павловна говорила правду. Значит, перед смертью Устинья писала и положила перо. Потом сложила руки на груди, или это сделал кто-то другой, и ни одно пятно не попало на одежду. Дома он не видел пера. В чернильнице на столе чернила давно засохли.

— Ступни, — сказал он.

— Зачем? — спросила Лидия Павловна.

— Для акта.

Она подняла нижний край простыни. Устинья лежала босая. Ступни были маленькие, узкие, пальцы поджаты. Никита наклонился. Кожа светлая, с мелкими морщинами, без трещин на пятках, без мозолей, без натоптышей. Ногти аккуратно подстрижены. Подошвы чистые: ни пыли, ни золы, ни следов земли между пальцами. Такой кожи не бывает у восьмидесятивосьмилетней женщины, которая всю жизнь ходила по деревне и по двору, ухаживала за козами и топила печь

в пять утра.

— Обувь где?

— Валенки у лавки стояли. Я не брала. Носки были на ней, я сняла.

— Где носки?

Лидия Павловна кивнула на белый пакет на табуретке. Никита развязал узел, достал пару вязаных носков из серой шерсти и развернул подошвами вверх. Подошвы были почти чистые. Ни золы, ни пыли, ни серого налёта. Нитки целы, петли не вытерты. В сенях дома лежал слой золы, а по золе шли следы вязаных носков туда и обратно.

— Она в этих носках ходила в сенях?

— Не знаю.

— Она ходила в вязаных носках по золе в воскресенье вечером. В этих они не такие.

— Значит, переодевалась, — сказала Лидия Павловна. — Я не следователь.

— Я тоже не следователь, — сказал Никита. — Я архивист.

Он положил носки обратно в пакет и завязал узел. Жук шагнул в комнату и остановился у табуретки.

— Хватит, Соколов. Ты же видишь: бумаги в порядке, человека опознали, причина смерти указана. Что ещё тебе нужно для акта? У меня в семь вызов в Нижнюю Гать, мне ещё в сельсовет заезжать.

— Мне нужно закончить осмотр.

— Ты уже всё видел.

— Нет. Лидия Павловна, — он повернулся к ней. — Вы смотрели ротовую полость?

— Зачем?

— Чтобы исключить отравление. Цвет языка, налёт, запах. Если справка пишет «остановка сердца», в акте нужно отметить, что признаков отравления нет.

— Я смотрела, — сказала она. — Ничего нет.

— Тогда повторить будет быстро.

— Соколов, — сказал Жук.

— Две минуты.

Жук промолчал. Лидия Павловна отступила на шаг, не поднимая глаз выше воротника кофты.

Никита встал у изголовья. Лицо Устиньи Лукашик было совсем рядом, неподвижное, жёлтое, с плотно сжатыми губами. Он положил левую ладонь на лоб, правой большим пальцем надавил на подбородок. Челюсть поддалась не сразу, но поддалась: окоченение уже сходило. Он развёл губы. Зубы были редкие и ровные, десны светлые, без налёта. Запаха не было, кроме слабого запаха мяты. Он нажал сильнее, раскрыл рот шире и приподнял язык кончиком шпателя из аптечного набора.

Под языком, у самого основания, лежал плотно скатанный клочок бумаги.

Никита подцепил клочок кончиком шпателя и вынул его изо рта. Бумага была влажная, скатана в плотный цилиндр

длиной около двух сантиметров и перегнута пополам. Он положил её на салфетку, придавил сверху шпателем и подождал. Края не слиплись. Бумага была плотная, с гладким покрытием, не газетная и не тетрадная.

Лидия Павловна отступила на шаг и упёрлась спиной в стену. Жук отвёл взгляд к окну.

— Что там? — спросил он.

— Бумага. Лежала под языком.

— Ты же говорил, что ищешь признаки отравления.

— Я их и искал.

Никита развернул клочок пальцами в перчатках и разгладил на салфетке. Размер три на четыре сантиметра. Нижний и правый края были оторваны неровно, левый и верхний обрезаны ножом по линейке. Это был угол листа. Текст напечатан на машинке чёрной лентой, шрифт с засечками, буква «е» чуть выступала над строкой. В верхней строке осталась только левая половина: «…гласно реестру за № 31, приобретатель». Дальше бумага обрывалась. Ниже шёл ряд цифр с пробелами: «06 14 27». Подписи и печати на клочке не было.

Он перечитал строку дважды. Слово «приобретатель» стояло последним, без двоеточия и без тире. Лист оторвали там, где после него должно было стоять имя.

— Номер записи по реестру, — сказал он вслух. — Тридцать первая.

— Положи на место, — сказал Жук. — Это вещественное доказательство, надо оформить как положено.

— Какого дела? Вы сами сказали, что дела нет.

Жук не ответил. Он достал из кармана сигареты, посмотрел на табличку «Не курить» над дверью и убрал пачку обратно. Пальцы у него дрожали, он сжал кулак и спрятал его в карман куртки.

— Кто к ней ездил? — спросил Никита.

— Никто не ездил.

— В золе ботинок с кожаной подошвой. Такие в ноябре по деревне не носят. До развилки два километра, автобус ходит дважды в день, последний ушёл в одиннадцать. Человек пришёл не с автобуса. Он приехал.

— Мало ли кто приезжал. К ней всегда ездили.

— Участок ваш. Вы видели машину?

Жук молчал секунд десять. Лидия Павловна смотрела на него, не двигаясь. Он посмотрел на потолок, потом на свои руки.

— Видел. Три ночи подряд, с пятницы. Проезжал мимо после вызова, в двенадцать, в час. Стояла у колодца, носом к выезду на дорогу. Тёмная иномарка, номер брестский, с единицей на конце, остальное грязью замазано. Я притормозил. Из машины никто не вышел. В доме горел свет. Я поехал дальше.

— В субботу и воскресенье то же самое?

— То же.

— Почему не остановились?

— Мне в пятницу позвонили. — Жук говорил тише. —

Из района. Сказали, что по этому адресу идёт проверка по другой линии и чтобы участковый не вмешивался. Фамилию не назвали. Я перезвонил на этот номер, он не отвечал.

— Рапорт писали?

— Нет. Не велено было.

Никита ничего не записал. Он отметил это про себя и перевёл взгляд на Лидию Павловну. Она смотрела на клочок. Лицо у неё стало серым, как у человека, который долго стоял на холоде. Она сняла очки с цепочки, снова повесила их на грудь, потом сняла опять.

— Не надо было её трогать, — сказала она. — Не надо было открывать ей рот.

— Вы знали, что там бумага?

— Нет. Я не открывала. — Голос у неё выровнялся, как у человека, который долго держал что-то в себе и наконец разжал руки. — Я знала, что там что-то есть. Не знала что.

— Что вы знали?

Она посмотрела на стену над кушеткой, не опуская глаз ниже.

— В понедельник утром, когда я пришла, она лежала на лавке, руки сложены. Я проверила пульс: нет. Дыхания нет, зрачки не реагируют. Но она была тёплая. Через двенадцать часов. Подмышки тёплые, суставы гнутся. Окоченение пришло только вечером в понедельник, а должно было к утру. Так не бывает. Я написала «остановка сердца», потому что другое написать нельзя. — Она провела ладонью по халату.

— У нас старухи говорят: Знающая не умирает, она закрывается. Это когда ей не дают сказать последнее. Тогда она лежит как живая, пока не скажет или пока слово не заберут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.